

Самсоненко Татьяна Александровна

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ И ПОМОЩЬ НЕТРУДОСПОСОБНЫМ В КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ 1930-Х ГГ.

В статье раскрывается процесс создания в 1930-х гг. системы социального страхования и взаимопомощи колхозного крестьянства, исследуются основные направления и методы функционирования сельских учреждений социальной помощи Юга России. Анализируется деятельность основных структурных компонентов системы социального страхования - касс общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и коллективных хозяйств. В процессе реализации поставленных перед ними социальных задач эти органы социальной помощи способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 179-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

20. **Plutarch.** Plutarch's Lives [Электронный ресурс] / with an English translation by Bernadotte Perrin. L., 1916. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper>
21. **Wilcken U.** Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. Rütten - Loening - Berlin, 1958.
22. **Xenophon.** Xenophontis opera omnia [Электронный ресурс]. Oxf., 1900. Vol. 1. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>

NAVARCH CALLICRATIDAS'S POLICY (406 B.C.)

Aleksandr Radikovich Samoilo

Department of General History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen

udatca@mail.ru

The article is devoted to the relationships between Sparta and Persia at the end of Peloponnesus war. During this period the Persians allocated big sums for subsidizing Spartan fleet. But not all Spartans approved such union. The researched problem is connected with Navarch (ναύαρχος) Callicratidas's policy who tried to form the union of Greek states in order to be financially independent from Persia. In the author's opinion this policy could have been successful if Callicratidas had not died in 406 B.C. in the battle of Arginusae. His death reduced this idea to nothing.

Key words and phrases: Peloponnesus war; Sparta; Persia; Navarch Callicratidas; battle of Arginusae; Persian subsidies.

УДК 947.084.5(470.6):364.3

В статье раскрывается процесс создания в 1930-х гг. системы социального страхования и взаимопомощи колхозного крестьянства, исследуются основные направления и методы функционирования сельских учреждений социальной помощи Юга России. Анализируется деятельность основных структурных компонентов системы социального страхования - касс общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и коллективных хозяйств. В процессе реализации поставленных перед ними социальных задач эти органы социальной помощи способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы.

Ключевые слова и фразы: болезни; инвалиды; малярия; кассы общественной взаимопомощи; коллективизация; колхозники; сельские учреждения социальной помощи; травмы.

Татьяна Александровна Самсоненко, к.и.н.

Кафедра экономики и управления туристской деятельностью

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела

Samsonenko1962@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ И ПОМОЩЬ НЕТРУДОСПОСОБНЫМ В КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ 1930-Х ГГ. ©

Согласно Конституции 1936 г., граждане СССР имели право «на материальное обеспечение в старости, а также - в случае болезни и потери трудоспособности», которое обеспечивалось «широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов» [5, с. 691]. Несмотря на то, что Основной Закон Советского Союза рассматривал в качестве объектов социального страхования исключительно рабочих и служащих, а не колхозников, последние все же могли рассчитывать на поддержку, но лишь со стороны касс общественной взаимопомощи и самих колхозов. Данное обстоятельство и предопределило стыдливые умолчания Конституции, ибо авторы и вдохновители Основного Закона явно не хотели признавать факт отстранения государства от помощи колхозному крестьянству.

Такая категория клиентов сельских учреждений социальной помощи на Дону, Кубани и Ставрополье, как временно нетрудоспособные и инвалиды, являлась довольно многочисленной, хотя и подвергалась постоянной ротации, в ходе которой на смену излечившимся от болезни или травмы колхозникам приходили все новые страждущие. При этом временно нетрудоспособных колхозников, по понятным причинам, насчитывалось гораздо больше, чем инвалидов: ведь в мирное время заболевания или же относительно легкие травмы случаются намного чаще, чем возникают тяжелые увечья. В свою очередь, в социальной группе временно нетрудоспособных членов коллективных хозяйств большинства относилось к заболевшим, а меньшинство представляли пострадавшие в процессе колхозного производства.

Вариантов несчастных случаев на производстве в 1930-е гг. встречалось предостаточно, но большую часть среди них составляли ушибы, порезы и переломы. Например, колхозник вполне мог покалечиться, упав с лошади или со стога соломы при скирдовании. Тяжелые травмы получал тот, кому, к сожалению, не повезло угодить под ножи лобогрейки или комбайна. Реже, но все же отмечались случаи, когда колхозники

получали непредвиденные ожоги при пожаре на току. Причем трактористам тогда приходилось опасаться неожиданного возгорания топлива, в силу особенностей эксплуатации техники. Среди повседневных болезней колхозников наиболее распространенными являлись простуда, ревматизм, фурункулез. Это объяснялось тем, что крестьяне вынуждены были, независимо от состояния погоды, трудиться под открытым небом при отсутствии нередко в те годы хорошей одежды и обуви.

Тем не менее, судя по частоте встречающихся упоминаний и обобщенным данным исторических источников, своеобразным лидером среди множества недугов колхозников Юга России в третьем десятилетии XX века выступала малярия. Особенно широкое распространение малярия получила среди сельского населения в низменных, влажных и заболоченных районах Нижнего Дона, Кубани, Терека, характерные природные условия которых благоприятствовали развитию данной болезни.

Конечно, малярия имела место в станицах и селах Дона, Кубани, Ставрополя и ранее исторического периода 1930-х гг. Например, еще в конце 1924 г. Донской окружком РКП(б) констатировал «широкое распространение малярии как в городе, так и в сельских местностях» [20, д. 17, л. 9]. Однако сплошная форсированная коллективизация выступила мощным стимулирующим фактором болезнетворного воздействия малярии. Рост заболеваемости в данное время обуславливался физической ослабленностью множества колхозников и единоличников Юга России от систематического недоедания и морально-психологической угнетенности от тяжелейшего пресса преобразований. Например, в отчете Новочеркасского райисполкома за 1928-1931 гг. малярия указывается на первом месте по числу зафиксированных случаев заболеваемости ею жителей сел и станиц. В 1928/1929 г. в сельских населенных пунктах Новочеркасского района Северо-Кавказского края регистрируется 2 233 случая заболевания малярией, в 1929 г. - 4 203 случая, в 1930 г. - 3 920 случаев. На втором месте по заболеваемости после малярии прочно закрепился грипп: в 1928/1929 г. фиксируется 1 740 случаев этого заболевания, в 1929 г. - 3 910, в 1930 г. - 3 551. Далее по статистике следовали корь, скарлатина, туберкулез и т.д. [8, с. 66].

Борьба с многочисленными заболеваниями, естественно, возлагалась на сельские медицинские учреждения, часть которых возникла в деревне еще в досоветский период, но большинство все же сложилось на протяжении 1920-х гг. и особенно 1930-х гг. По существу, «колхозное строительство», при всех присущих ему негативных характеристиках, выступило в качестве мощного позитивного стимула при формировании сельской системы здравоохранения. Помимо собственно сельских медицинских учреждений, рассмотрение функционирования которых является, на наш взгляд, предметом отдельного рассмотрения, к оказанию поддержки заболевшим, а также травмированным колхозникам привлекались кассы общественной взаимопомощи и правления коллективных хозяйств. В конечном итоге социальные и медицинские работники преследовали одну и ту же цель - как можно скорее поставить на ноги пострадавших тружеников сельского хозяйства.

Однако КОВК и органы здравоохранения достигали указанной цели разными методами. Если врачи и фельдшеры призваны были излечить болезнь или заживить раны, то главной обязанностью работников сельских социальных учреждений являлось финансирование этого лечения, а затем последующая организация восстановления здоровья колхозника после перенесения таковой операции или после пребывания его на излечении в стационаре. Для реализации обозначенных целей КОВК и правления колхозов выдавали нетрудоспособным колхозникам денежные пособия или продукты, «начиная с первого дня заболевания», а также оплачивали отправку их, «в случае необходимости», на курорты, санатории, в дома отдыха [17, с. 6-7].

При оказании помощи временно нетрудоспособным аграриям работники касс общественной взаимопомощи и колхозные администраторы придерживались рекомендованных сверху принципов попечения. Главнейшим принципом стал учет трудовой активности колхозников в сфере общественного производства до своего заболевания или получения травмы. Руководящие работники органов социального обеспечения РСФСР неоднократно указывали председателям и активистам КОВК, что при оказании поддержки временно нетрудоспособным колхозникам они «должны исходить из показателей добросовестного отношения каждого отдельного колхозника к колхозному труду» [7, с. 15]. Выполняя полученные сверху руководящие указания, председатели, члены правлений, актив касс общественной взаимопомощи колхозников, а также административно-управленческий аппарат коллективных хозяйств обязывались следить за тем, чтобы «выдача пособий по временной нетрудоспособности производилась исключительно на основе трудового принципа: кто больше и лучше работает, тот и пособие получит в большем размере» [Там же, с. 6].

Генерализующий «трудовой принцип» при оказании помощи временно нетрудоспособным колхозникам дополнялся принципом социальной справедливости, т.е. КОВК, проще говоря, заставляли также отслеживать симулянтов. Такого рода вмененная обязанность отнюдь не являлась пустой формальностью, ибо незначительные размеры материальной компенсации трудовых усилий колхозников в общественном производстве порождали у них естественное желание избежать участия в работе на общее благо. Поскольку же пассивное отношение к труду в колхозах влекло за собой жесткую ответную реакцию со стороны административных и карательных органов, наиболее осторожные и предусмотрительные колхозники стремились заранее обезопасить себя и сознательно притворялись якобы больными или травмированными. Летом 1933 г. сотрудники ОГПУ и политотделов МТС сообщали, что в целом ряде коллективных хозяйств Северо-Кавказского края отмечались «случаи симуляции малярии» [23, д. 23, л. 58 а]. В политсводке № 10, составленной 5 октября 1934 г. политотделом Боковской МТС Вешенского района Азово-Черноморского края, весьма красноречиво подчеркивалось: «...большим тормазом борьбы с невыходами [колхозников на работу] являлось отсутствие врача, т.[ак] к.[ак] малярия и др. болезни свирепствовали и за больными скрывались здоровые-симулянты» [Там же, д. 52, л. 20].

Учитывая подобные (отнюдь не единичные) факты, представители власти строго предупреждали работников касс взаимопомощи о том, что выдача пособий временно нетрудоспособным колхозникам «должна производиться при обязательном удостоверении от врача о болезни» [6, с. 3].

Размеры помощи временно нетрудоспособным колхозникам в действовавших нормативно-правовых актах четко не оговаривались. В соответствующем циркуляре Наркомсобеса РСФСР от 23 марта 1936 г. указывалось: «...твердых норм обеспечения в данных случаях не установлено, а оказывается денежная, натуральная или трудовая помощь в зависимости от нуждаемости в каждом отдельном, конкретном случае и с учетом отношения в прошлом колхозника к труду в колхозе» [13, с. 189]. Устанавливались только примерные объемы материальных средств, которые КОВК разрешалось тратить для поддержки заболевших или покалечившихся членов коллективных хозяйств. Так, в постановлении НКССО РСФСР от 14 октября 1935 г. четко прописывалось, что в пользу временно нетрудоспособных колхозников кассы общественной взаимопомощи могут выделять в среднем до 10% накопленных ими средств и еще 10% тратить на их санаторно-курортное лечение [11, с. 169].

В колхозах не применялась распространенная на промышленных предприятиях практика, выражавшаяся в выплате заболевшим или увечным работникам среднего заработка. В частности, в 1938 г. сотрудники редакции «Крестьянской газеты» разьяснили колхознику П. Козлову из сельскохозяйственной артели «Красный партизан» Белореченского района Краснодарского края, что «колхозник во время болезни не может требовать выплаты ему среднего заработка, так как это является нарушением устава [сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г.]; за ним лишь сохраняется потенциальное право просить правление колхоза и общее собрание оказать ему материальную поддержку из средств, выделенных в фонд помощи [19, д. 29, л. 433].

Отсутствие четких норм помощи временно нетрудоспособным колхозникам представляло собой не просто упущение советского законодателя, а еще один принцип социального страхования жителей коллективизированной деревни, который можно обозначить как остаточный принцип. Сознательное умалчивание о размерах денежных и натуральных пособий недужным и травмированным членам коллективных хозяйств, а также и всем остальным аграриям, впадшим в нужду, предполагало и возложение решения этого вопроса на общее собрание колхозников и колхозную администрацию. Тем самым Советское государство снимало с себя всякую ответственность за результативность социальной помощи вообще и социального страхования в частности. Представителей власти ничуть не волновал тот очевидный факт, что при подобном подходе эффект поддержки временно нетрудоспособных колхозников в подавляющем большинстве случаев оказывался минимальным. Ведь в коллективных хозяйствах зачастую не имелось средств для достойной оплаты трудовой (дефицит фондов оплаты труда являлся едва ли не общим правилом в первой половине 1930-х гг., да и во второй половине десятилетия во многих колхозах положение улучшилось незначительно). Нетрудно догадаться, что в таких условиях общее собрание колхозников соглашалось выделять на нужды социального страхования лишь минимум денег и продуктов, которых не могло хватать для обеспечения нужд хлеборобов, временно лишившихся трудоспособности.

Правда, в отдельных случаях Советское государство демонстрировало готовность брать на себя некоторые расходы по обеспечению колхозников, получивших травму в процессе общественного производства. В уже цитированном циркуляре Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР от 23 марта 1936 г. говорилось, что «необходимо принимать отдельных увечных колхозников на гособеспечение по постановлению в каждом отдельном случае президиума райисполкома». Иначе говоря, подобные меры следовало практиковать лишь в исключительных случаях, только тогда, когда помощь КОВК или колхоза пострадавшему колхознику будет недостаточна «ввиду слабой материальной базы в кассе и слабого экономического состояния колхоза» и в особенности если «случай получения увечья имеет политическое значение» [13, с. 189]. Подобная милость к отдельным членам коллективных хозяйств со стороны государства заслуживает, конечно, лишь положительных оценок. Однако если отмеченное положение циркуляра НКССО и выполнялось на местах, то лишь в единичных случаях. Нам не удалось обнаружить в источниках никаких свидетельств о государственном обеспечении отдельных нетрудоспособных колхозников. Тем самым можно с большой долей вероятности утверждать: если эта практика имела место, то отличалась ничтожно малыми масштабами.

Как видим, задачи социального страхования колхозников, временно лишившихся трудоспособности в результате болезни или травмы, осуществлялись кассами общественной взаимопомощи колхозников, а также и коллективными хозяйствами. В этом случае предусматривались такие меры социальной поддержки, как: выдача денежного пособия, трудовая помощь, посылка в санаторий, на курорт, в дом отдыха. Кроме того, до 1935 г. КОВК и колхозы практиковали также организацию и обеспечение функционирования медицинских учреждений, занимавшихся лечением хлеборобов. Кассы взаимопомощи, например, на собственные средства создавали медицинские пункты [12, с. 441, 442]. Подобные же меры предпринимали и правления отдельных, наиболее экономически развитых, коллективных хозяйств Юга России. В частности, в 1934 г. члены Азово-Черноморского крайисполкома отмечали, что «для борьбы с малярией передовые колхозы организовали за счет собственных средств небольшие стационары» [15, с. 149].

Следует, однако, подчеркнуть, что в первой половине третьего десятилетия XX века, когда колхозная система еще только конструировалась сталинским режимом и отличалась крайней организационно-хозяйственной слабостью, КОВК и правления колхозов зачастую пренебрегали своими обязанностями социального страхования временно нетрудоспособных земледельцев. В данном случае сказывались профессиональная непригодность, халатность, прямые злоупотребления работников КОВК и колхозных управленцев, а также отсутствие прочной материально-финансовой базы как у касс взаимопомощи, так и у коллективных хозяйств.

Нередко даже те колхозники и колхозницы, которые никак не могли быть ни отнесены к числу здоровых, ни охарактеризованы как симулянты, не могли получить реальной помощи и материальной поддержки от КОВК и колхозов. В частности, в январе 1934 г. колхозница Ксения Шкарупилова из сельхозартели «Путь Ленина» Кропоткинского района Азово-Черноморского края жаловалась в редакцию краевой газеты «Молот», что ее дочь работала в данном коллективном хозяйстве в должности кладовщика, но «по несчастью разбили ей на работе руки. Болела девченка два месяца, а сейчас хоть и зажила рука - к работе физической не пригодна. Просила дочь у правления дать помощь и работу по силе. Не дают. 800 трудодней [на ее счету] и ничего нету. Разутая, есть нам нечего. Прошу дать совет мне, так как старуха я 70 лет и как выбьемся [из беды,] не вижу» [23, д. 100, л. 9-10].

Руководство многих колхозов отказывало заболевшим хлеборобам даже в такой малости, как предоставление лошадей и подводы для неотложной поездки в больницу. Поздней осенью 1934 г. несколько колхозников из станицы Ленинградской Азово-Черноморского края утверждали, что председатель сельхозартели «им. Политотдела» Яценко игнорировал их насущные просьбы о помощи. Когда колхозник по фамилии Индус заболел малярией, «жена его несколько раз обращалась к Яценко за лошадь, чтобы отвезти больного мужа за 7 километров в больницу, но Яценко жене Индуса категорически отказал. Жена вынуждена была везти мужа на тачке» [Там же, л. 99]. В то же время руководящие лица колхоза «Заветы Ильича» Майкопского района Азово-Черноморского края «несколько раз отказали в просьбе о предоставлении подводы больному колхознику Болтову для поездки к врачу», «обманув доверие колхозников, избравших их на руководящие посты» [21, д. 122, л. 25]. В июле 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б), заслушав сообщение о результатах расследования смерти колхозницы Комаровой из колхоза имени С. М. Буденного Вешенского района, постановил: «считать установленным», что смерть Комаровой «последовала в результате не чуткого отношения к ней зам. пред. колхоза Самойлова (беспартийный)», отказавшегося 27 и 28 марта «предоставить ей подводу для поездки в больницу в ст. Вешенскую» [22, д. 60, л. 71].

Случалось, что наиболее ретивые представители колхозного начальства на Юге России шли напролом еще дальше и вместо безотлагательной помощи больным колхозникам, напротив, пытались заставить их работать путем применения прямого физического насилия. Так, в июле 1933 г. в одном из кубанских колхозов колхозница Токарева не вышла на работу по причине болезни. Тогда председатель колхоза и руководитель местного станичного совета связали ей руки, «водили по станице, а потом, привязав к подводе, повели в степь. По дороге Токарева, будучи обессиленной вследствие болезни, несколько раз падала, поднимали ее избиванием кнутом» [23, д. 21, л. 241]. В начале 1934 г. в колхозе «Краснореченский» Лабинского района Азово-Черноморского края бригадир Д. Ф. Кучмасов широко практиковал в управленческом раже рукоприкладство, в том числе по отношению к больным земледельцам. Так, одного из них, пытавшегося из-за плохого самочувствия уйти домой с поля, он наотмашь ударил по лицу, повалил на землю и стал избивать ногами [Там же, д. 112, л. 8].

К чести партийно-советских руководителей краевого, окружного и районного уровня, а также сотрудников правоохранительных органов Дона, Кубани и Ставрополя надо отметить, что они старались привлекать к ответственности распоясавшихся местных «начальников», избивавших рядовых колхозников или же отказывавших им в реальной поддержке и материальной помощи во время болезни. Того же вышеупомянутого бригадира Кучмасова из колхоза «Краснореченский» арестовали за рукоприкладство, и он даже одно время находился под угрозой расстрела. Однако в конце концов его дело было «заволокичено» в суде, все обвинения сняты, и он вышел на свободу [Там же, д. 115, л. 74-75]. Управленцев колхоза «Заветы Ильича» Майкопского района, отказавших колхознику Болтову в выделении транспорта для поездки в больницу, Азово-Черноморский крайком ВКП(б) в марте 1935 г. постановил отдать под суд «за бездушно-бюрократическое отношение к нуждам колхозников» [21, д. 122, л. 25]. По решению Северо-Донского окружкома ВКП(б), принятому в июле 1936 г., заместителя председателя сельхозартели имени С. М. Буденного Вешенского района Самойлова, по вине которого умерла больная колхозница Комарова, сняли с работы, после чего его осудили «показательным процессом в колхозе на 6 месяцев принудительных работ». Председателю колхоза - небезызвестному А. А. Плоткину, ставшему одним из главных прототипов Семена Давыдова из «Поднятой целины», - вынесли предупреждение о недопустимости «нечуткого отношения... к запросам и нуждам колхозников». Любопытно, что крайком почитал необходимым подстегнуть и районных служителей Фемиды, указав «народному судье т. Мананникову на политическую слепоту[,] допущенную им при разборе дела по обвинению Самойлова» [22, д. 60, л. 71].

Тем не менее в целом в первой половине 1930-х гг. результативность усилий правоохранительных органов и партийно-советских чиновников высокого ранга по охране «социалистической законности», в частности по защите интересов временно нетрудоспособных колхозников, оставалась относительно невысокой. Ведь в условиях проводимой сталинским режимом политики социальной агрессии руководители низового уровня по умолчанию получали квазиполномочие третировать рядовых колхозников, расценивавшихся властью как потенциальные «классовые враги» или, по крайней мере, как граждане «второго сорта» по сравнению с представителями класса-«гегемона». Одновременно большевистская налогово-заготовительная политика провоцировала колхозных управленцев и работников КОВК отказывать нуждавшимся, в том числе временно нетрудоспособным, колхозникам в помощи по причине дефицита материальных средств, которых не доставало даже для оплаты трудодней.

Ситуация изменилась к лучшему только лишь во второй половине 1930-х гг. в связи с организационно-хозяйственным укреплением колхозной системы. В это время у правлений коллективных хозяйств и работников касс взаимопомощи появилось больше возможностей позаботиться о нуждающихся колхозниках, в том числе о больных и увечных. В частности, заметные позитивные сдвиги произошли в сфере санаторно-

курортного лечения заболевших и пострадавших на производстве колхозников. Расширение материальной базы КОВК и колхозов позволило увеличить расходы на оплату выделенных для колхозников путевок на курорты, в санатории, дома отдыха. Надо отметить, что покупка одной лишь путевки (или, как говорили в то время, «курсовки») являлась довольно-таки дорогим удовольствием для обычного сельского жителя. По ценам 1940 г. одна путевка в санаторий стоила примерно 1 тыс. руб., а за одну путевку в дом отдыха требовалось заплатить 250 руб. [10, с. 8]. Как правило, рядовые колхозники не могли себе позволить расходовать такие большие деньги на какую-то курортную прогулку. Подобные затраты оказывались посильны лишь сельскохоззяйственным предприятиям или же социальным учреждениям.

Уже осенью 1935 г. НКСО РСФСР позволил кассам взаимопомощи увеличить расходы на санаторно-курортное лечение в среднем до 10% их средств и использовать эту часть аккумулируемых ресурсов «для приобретения путевок и на отправку лучших колхозников-ударников и ударниц в санатории и дома отдыха». Кроме того, тем же постановлением КОВК разрешалось создание, помимо существующих, «собственных домов отдыха областного, межрайонного, а в некоторых случаях и районного значения (мощные районы)» [11, с. 170]. В 1936 г. кассы общественной взаимопомощи колхозников передового Северо-Кавказского края приобрели свыше одной тысячи путевок в санатории и дома отдыха, «большая часть которых дана орденосцам, стахановцам и ударникам колхозов» [3, с. 59]. Правда, по другим данным, северокавказские КОВК в 1936 г. отправили на отдых не тысячу колхозников (соответственно количеству приобретенных «курсовок»), а только 239 человек [2, с. 22]. Возможно, значительная часть оплаченных путевок досталась вовсе не «орденосцам, стахановцам и ударникам колхозов», а некоторым влиятельным и состоятельным жителям села, не относившимся к колхозному крестьянству, например, работникам райисполкомов и т.п. В 1940 г. на первое место по объемам средств, направленных на оплату лечения колхозников в домах отдыха, санаториях и на курортах, выдвинулся Краснодарский край, КОВК которого израсходовали на эти цели свыше 1 млн руб. На втором месте оказался Орджоникидзевский край, потративший 640 тыс. руб. [9, с. 10]. Замыкали список кассы взаимопомощи колхозников Ростовской области, выделившие на санаторно-курортное лечение своих членов свыше 591 тыс. руб. [4, с. 23].

Помимо колхозников, временно лишившихся трудоспособности в результате болезни или травмы на производстве, КОВК и коллективные хозяйства обязывались также оказывать помощь инвалидам, которые из-за полученных увечий уже не могли трудиться с прежней интенсивностью. Изучение документов и материалов позволяет нам выделить несколько видов помощи, на которую могли рассчитывать колхозники-инвалиды в 1930-х гг.

Инвалиды имели право на получение материальной помощи от коллективных хозяйств и КОВК. Предусматривалась определенная дифференциация материальных пособий, выплачиваемых инвалидам кассами взаимопомощи. От работников КОВК сначала требовалось установить, каким образом тот или иной трудоспособный колхозник превратился в инвалида, а затем действовать в соответствии с выявленными обстоятельствами. Приоритет в получении пособия отдавался тем инвалидам, которые стали таковыми во время работы в колхозе. Сотрудники Наркомсобеса РСФСР наставляли членов правлений и активистов КОВК, что «инвалидов-колхозников, получивших увечье во время колхозной работы, необходимо удовлетворять пособием в повышенном размере... Остальные категории инвалидов получают общественную помощь в зависимости от материальных возможностей кассы» [16, с. 37].

Несмотря на исходную позицию о дифференциации помощи колхозникам-инвалидам, о конкретных ее размерах представители власти, как правило, умалчивали. НКСО РСФСР лишь рекомендовал правлениям КОВК направлять на пособия инвалидам определенную часть аккумулируемых фондов. Так, в 1936 г. кассам взаимопомощи разрешалось тратить на выплату пособий инвалидам и престарелым колхозникам не более 8% накопленных ими средств [11, с. 169]. Четко не определялся и порядок выплаты пособий колхозникам, получившим инвалидность. Пособия могли выдаваться лишь один раз или, напротив, выплачивались нуждающимся колхозникам периодически. Более того, условия получения таких пособий определялись в двух формах: возвратной или безвозвратной. Все это оговаривалось в решении общего собрания членов КОВК или гораздо чаще становилось предметом личного предпочтения руководящих работников касс. Отсутствие четких норм и установленных правил оказания материальной помощи колхозникам-инвалидам до крайности затрудняло защиту их прав и интересов в том случае, когда правления колхозов и КОВК отказывались им помогать: либо по причине острого дефицита средств, либо в силу халатности или же просто пренебрежения к нуждам пострадавших хлеборобов.

Более того, аграрная политика правящей партии 1930-х гг. ориентировалась на максимальное использование всех возможных трудовых ресурсов коллективизированной деревни, а потому самой желательной мерой социальной помощи инвалидам в 1930-е гг. считался поиск конкретных вариантов их трудоустройства в тех сферах аграрного производства, в которых они могли принести наибольшую пользу с учетом характера ранее полученных травм. В «Примерном уставе КОВКК» от 28 июня 1931 г. об организации трудового устройства колхозников-инвалидов говорилось таким образом, что данную меру социальной помощи можно было считать чуть ли не единственно возможной в отношении увечных земледельцев [18, с. 353]. Руководящие работники органов социального обеспечения также неоднократно указывали, что инвалидов, «получивших увечье во время колхозной работы, необходимо... трудоустроить в первую очередь на легких работах в колхозе» [16, с. 37].

Трудоустройство инвалидов в колхозах рекомендовали проводить двумя путями: либо используя уже накопленные ими профессиональные навыки, либо организуя их переобучение и обучение новым знаниям и умениям. В рамках первого из отмеченных способов трудоустройства инвалидов правлениям коллективных

хозяйств и касс общественной взаимопомощи Дона, Кубани и Ставрополя предлагалось направлять таковых на легкие работы в «кролиководство, птицеводство, садоводство, рыбоводство и т.п.» или организовывать для них разного рода мастерские - «шорные, сапожные, портняжные, бондарные, столярные и др.» [9, с. 11]. В частности, колхозников, лишившихся зрения, рекомендовали трудоустроить в «специальных подсобных мастерских по переработке сырья колхозов в продукцию для нужд самих колхозов» [14, с. 189]. Проще говоря, слепые могли заняться сушкой фруктов и ягод или же изготовлением из них варенья, повидла и т.д. Причем для такого варианта трудоустройства инвалидов по зрению иногда практиковалось обучение на курсах по специальности «техническая переработка плодов и ягод».

В тех случаях, когда возможности колхоза не позволяли обеспечить всех местных инвалидов облегченной, но более-менее привычной работой, применялось их трудовое переобучение с последующим устройством в незнакомые для них сферы занятости, иной раз и вовсе не связанные с сельским хозяйством. Новые знания и навыки инвалиды получали на курсах, организуемых органами социального обеспечения или другими заинтересованными организациями. Также они обучались в разного рода профтехшколах и техникумах. Расходы по переобучению частично ложились на себя, но основное бремя финансирования несли все же КОВК и колхозы. Например, в 1936 г. КОВК могли потратить на эти цели в среднем 5% своих средств [12, с. 170]. Выбор специальностей для профессионального обучения колхозников-инвалидов предлагался довольно широкий. Помимо указанных выше животноводов, кролиководов, садоводов, пчеловодов, мастеров по «технической переработке плодов и ягод», увечные члены коллективных хозяйств имели возможность стать счетоводами, бригадирами, санитарями, «избачами» (работниками изб-читален, то есть сельских культурно-просветительных заведений), служащими детских дошкольных учреждений [9, с. 11]. В социальной реальности 1930-х гг. существовали и относительно редкостные «профили в обучении инвалидов», такие как цветовод («мастер по цветоводству») или, например, баянист. В частности, в 1940 г. одна из КОВК Егорлыкского района Ростовской области приобрела для ослепшего колхозника И. И. Дурнева баян и затратила 960 руб. на обучение его игре на этом музыкальном инструменте [1, д. 115, л. 73].

Таким образом, исторические источники позволяют утверждать, что социальное страхование являлось одной из важных задач КОВК и колхозов. Несмотря на массу недочетов, упущений и прямых злоупотреблений, наличествовавших в отмеченной сфере социальной работы, кассы взаимопомощи и правления коллективных хозяйств очень многое сделали для поддержки временно нетрудоспособных колхозников и инвалидов, выдавая им пособия, оплачивая лечение, устраивая на посильную работу. Все это способствовало не только укреплению общественного производства, но и распространению проколхозных настроений среди большинства сельских жителей Юга России.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 1.
2. Гуцин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи // Социальное обеспечение. 1939. № 11.
3. Демьяненко. Крепко держат красное знамя // Там же. 1937. № 10.
4. Кожин В. 10 лет Ростовских касс взаимопомощи колхозов // Там же. 1941. № 4.
5. Конституция Союза советских социалистических республик // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 23. 708 с.
6. Лебедева В. Основные моменты в работе касс взаимопомощи колхозников и колхозниц // Социальное обеспечение. 1931. № 7. С. 1-4.
7. Лысков Е. А. Очередные задачи касс взаимопомощи в колхозах на 1935 г. // Там же. 1935. № 1. С. 6-15.
8. Материалы к отчету райисполкома советов Р.К.К. и К. депутатов на районном съезде Советов VII созыва (март 1929 г. - январь 1931 г.). Новочеркасск, 1931. 90 с.
9. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. 1941. № 2. С. 9-11.
10. Николаев П. Приходно-расходная смета колхозной кассы взаимопомощи // Там же. № 1. С. 7-8.
11. О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год: постановление Наркомсобеса РСФСР от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 6. 180 с.
12. О ликвидации производственной деятельности в кассах взаимопомощи: циркуляр ЦККОВ от 21 мая 1936 г. // Там же. Вып. 14. 446 с.
13. О порядке обеспечения колхозников, получивших увечье на работе: циркуляр Наркомсобеса РСФСР от 23 марта 1936 г. // Там же. Вып. 7. 224 с.
14. О трудоустройстве слепых в колхозах: циркуляр Центрального правления Всероссийского общества слепых от 15 марта 1936 г. // Там же.
15. Отчет о работе Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета за 1931-1934 гг. Ростов-на-Дону, 1935. 232 с.
16. Платонов П. Задачи касс взаимопомощи колхозов в третьей пятилетке // Социальное обеспечение. 1939. № 3. С. 36-37.
17. Подольский Ал. Район - важнейший узел руководства кассами взаимопомощи колхозников // Там же. 1931. № 9.
18. Примерный устав кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц от 28 июня 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР для сельских советов. 1931. Вып. 11. 22 с.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 11.
20. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1.
21. Там же. Ф. 8. Оп. 1.
22. Там же. Ф. 76. Оп. 1.
23. Там же. Ф. 166. Оп. 1.

SOCIAL INSURANCE AND HELPING DISABLED PERSONS IN COLLECTIVE-FARM VILLAGE OF RUSSIAN SOUTH IN THE 1930S

Tat'yana Aleksandrovna Samsonenko, Ph. D. in History
*Department of Economics and Touristic Activity Management
Sochi State University of Tourism and Health Resort Business
Samsonenko1962@mail.ru*

The author reveals the creation process of social insurance system and mutual aid of collective-farm peasantry in the 1930s, researches the basic directions and methods of rural social help establishments functioning in the Russian South and analyses the activity of the main structural components of social insurance system - public loan societies of collective-farm peasantry and collective farms. In the process of the realization of the social tasks raised before them these bodies of social help promoted the organizational-economic strengthening of collective-farm system.

Key words and phrases: illnesses; invalids; malaria; public loan societies; collectivization; collective farmers; rural establishments of social help; traumas.

УДК 316.728

Статья раскрывает содержание понятия «менталитет» и его структуру в модели мира. Основное внимание в работе автор акцентирует на соотношении понятий «образ мира», «картина мира», «модель мира» в культурологическом ракурсе исследования. Предлагается ментальная конструкция, отражающая смысл бытия культуры.

Ключевые слова и фразы: менталитет; модель мира; образ мира; картина мира; структура модели мира.

Лариса Васильевна Санжеева, д. культурологии, доцент
*Кафедра культурологии
Восточносибирская государственная академия культуры и искусств
LVSangeeva@yandex.ru*

МЕНТАЛИТЕТ КАК КОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ МИРА[©]

Понятие «менталитет» стало объектом исследования в начале XX века, открыв новые перспективы осмысления бытия культуры, ставшие ценным методологическим инструментом, дающим возможность исследовать и познать особенности и ценности социокультурного наследия и современных трансформаций человека и общества. Термин активно применяется во многих науках, в том числе и в культурологии. Анализ прошлого и настоящего в ментальном аспекте способен раскрыть сущность модификаций социума и его культуры, проблемы и перспективы развития. Таким образом, можно констатировать, что данное понятие является весьма перспективным с точки зрения осмысления внутренних потенций. Поэтому разработка концепции менталитета и целесообразности употребления самого понятия в культурологических исследованиях особенно актуальна.

С выделением и обособлением в гуманитарном знании культурологической науки понятие менталитета постепенно становится одной из важных категорий научного познания. Изучение феноменов культуры непосредственно связано с социокультурными установками, представлениями о себе и о мироустройстве, повседневными стереотипами, ценностными системами духовного и материального мира. Культурологическое познание стремится показать содержание минувшей эпохи через внутренний мир человека, в качестве материала для анализа привлекая продукты культуры - исторические, социальные, художественные и другие. На базе междисциплинарного подхода концепция менталитета органично сочетается с теоретическими и эмпирическими исследованиями в разных областях знаний.

Культурология употребляет методологические подходы философии культуры, культурной антропологии, социологии, психологии, истории, лингвистики, пользуется материалами исследований, осуществляемых данными науками, добиваясь обобщения и синтеза знаний. Само понятие менталитет в том смысле, каким его наделили ученые «школы Анналов», ориентировано на междисциплинарность. Еще ученые «школы Анналов» (М. Блок и другие) связывали исследования историко-культурных реалий, среди которых и менталитет, с междисциплинарным подходом, не считали их изучение возможным без привлечения знаний нескольких наук - например, экономики, социологии, этнологии, лингвистики, психологии [1]. В российской культурологии сложилось самостоятельное направление «культура ментальностей», среди наиболее известных представителей: А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая, В. П. Даркевич, О. А. Добиаш-Рожественская и другие [6].